

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ



DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.6
EDN: TDLGBR

Н.А. ШМАТКО¹, Ю.В. МАРКОВА²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

² Независимый исследователь, Москва.

СОЦИАЛЬНОЕ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВА В СОЦИОЛОГИИ ПЬЕРА БУРДЬЁ¹

Аннотация. В статье раскрывается история становления концепции социального пространства Пьера Бурдьё в его взаимодействии с символическим пространством. Основное внимание уделяется вопросу отношения между объективной научной классификацией социальных отношений и практическими повседневными классификациями самих социальных агентов. Символическое пространство реализуется как пространство стилей жизни, которые выражают социальные различия, объективно вписанные в условия существования агентов. При этом, по мысли Бурдьё, связующим механизмом между социальным пространством и символическим пространством (пространством стилей жизни) выступает габитус. Он представляет собой систему устойчивых диспозиций, несущих в себе прошлый опыт и функционирующих как матрица восприятия, оценивания и действия. Бурдьё стремится показать, как один и тот же структурный инвариант воспроизводится и в социальном, и в символическом пространствах. В качестве примера социального пространства Бурдьё использовал современное ему французское общество. В ходе исследования было продемонстрировано, как французское социальное пространство может быть охарактеризовано с помощью трех измерений, которые Бурдьё обозначил как общий объем капитала, структура капитала и эволюция капитала (эволюция социальной позиции во времени).

Ключевые слова: социальное пространство; символическое пространство; габитус; капитал; социальная позиция; стиль жизни; социальные классификации.

Для цитирования: Шматко Н.А., Маркова Ю.В. Социальное и символическое пространства в социологии Пьера Бурдьё // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 111–128. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.6 EDN: TDLGBR

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Статья является продолжением публикации предыдущего номера: Шматко Н.А., Маркова Ю.В. «Социальное пространство» П. Бурдьё: история конструирования понятия // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 110–123. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.6 EDN: PAIXKU

Социология как наука о классификациях

Недостаточно построить объективную классификацию социальных агентов, чтобы дать полную картину действительности. Социальные агенты сами классифицируют и себя и других агентов. Социальный мир — это не только объективная реальность, которую реконструирует социолог, но и представления о ней агентов. Поэтому социология как строгая наука должна, как пишет П. Бурдьё, объединять «теорию объективной классификации и теорию практических классификаций, используемых социальными агентами в своих повседневных практиках» [12, р. 64].

Социологическая классификация более реальна, потому что позволяет «видеть те различия, которые ранее не видели, которые предчувствовали, но не могли выразить» [12, р. 70]. Однако она совершенно нереальна в том смысле, что «непрактична, непригодна для жизни, ею нельзя пользоваться на практике, потому что она слишком сложна. У нее нет функции, с ней нечего делать, она родилась из “незаинтересованного” отношения к социальному миру» [12, р. 70]. При этом объективная или латентная классификация, которую реконструирует ученый, является основой всех практических классификаций, поскольку социальные агенты формируют их на базе объективных позиций, занимаемых ими в социальном мире. Поэтому «истинная наука о классификациях должна включать в себя и определять себя как наука об отношении между объективной классификацией, создаваемой ученым <...> и практической классификацией социальных агентов» [12, р. 70]. В дополнение к понятию социального пространства Бурдьё вводит понятие символического пространства, понимаемого как множество конфигураций структурированных практик, реализуемых социальными агентами, которые занимают разные позиции в социальном пространстве. Отдельные позиции в символическом пространстве Бурдьё называет точками зрения (*prises de position*).

Социальное пространство — «это абстрактное представление, являющееся продуктом особого конструирования, дающее, подобно карте, общее видение, общий взгляд на множество точек зрения, с которых обычные агенты (включая социолога и самого читателя в их повседневной жизни) видят социальный мир» [13, р. 189]. Если социальное пространство изображает все позиции, то символическое пространство дает представление обо всех возможных перспективах, открывающихся со всех возможных позиций. Символическое пространство есть множество практических пространств «повседневного существования с его дистанциями, которые сохраняются или подчеркиваются, и с его близкими, которые могут оказаться более далекими, чем незнакомцы» [13, р. 189]. Символическое пространство относится к социальному так же, как ежедневные рутинные маршруты отдельных горожан относятся к общей карте города. Ярким примером согласованного ансамбля практик, символизирующих определенную социальную позицию, является *стиль жизни*.

Габитус как механизм связи между социальным и символическим пространствами

Введя понятия символического пространства и «точек зрения», Бурдьё задается вопросом, какой механизм приводит к тому, что, несмотря на бесконечную вариативность практик, в них присутствует некоторая согласованность и единство,

так что социальный мир не представляется чистым хаосом. Почему формируются узнаваемые точки зрения, например стили жизни? Для понимания связи между понятиями «социальное пространство» и «символическое пространство» следует ввести третье — «теоретическое пространство габитусов» [13, р. 139]².

Габитус — это «система устойчивых и переносимых диспозиций, которая, объединяя весь прошлый опыт, в каждый момент времени функционирует как *матрица восприятия, оценивания и действия* и делает возможным выполнение бесконечно разнообразных задач благодаря переносу по аналогии схем, позволяющих решать задачи одного типа, и постоянному исправлению полученных результатов» [11, р. 262]. Габитус есть не просто ментальные категории восприятия и оценивания, но инкорпорированные социальные условия существования, ставшие схемами производства и оценивания практик социальных агентов. Наличие у агента габитуса предполагает, что существуют фиксированные в опыте предрасположенности регулярно воспринимать и оценивать социальные условия жизни, а также действовать в этих условиях определенным образом. Другими словами, габитус — это ансамбль повседневных «принципов», понимаемых как устойчивые привычки, которые непосредственно направляют практики. Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта в настоящем, гарантирует стабильность и единство практик агента. Можно сказать, что габитус интегрирует прошлое в настоящее, обеспечивает его продолжение в будущем, задает основание преемственности и упорядоченности.

Находясь в схожих условиях существования (позициях) и подчиняясь схожим обстоятельствам, агенты имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а значит, производить сходные практики и выражать сходные мнения. Таким образом, пространство габитусов, как пространство интериоризированных социальных позиций, более или менее точно трансформирует социальное пространство (пространство позиций) в символическое пространство (пространство точек зрения). Габитус действует как оператор, устанавливающий структурную гомологию между пространством позиций и пространством точек зрения. Структурная гомология понимается Бурдьё как повторение одного и того же инварианта на разных уровнях реальности. В данном случае структура социального пространства, фиксируемая Бурдьё в виде двух оснований — объема и структуры капиталов, — повторяется на уровне символического пространства. Эта теоретическая модель была реализована в целой серии эмпирических исследований, которые составили основу работы «Различение» [13]. «Модель [социального пространства] определяет расстояния, которые предсказывают встречи, близость, симпатии или даже желания: на практике это означает, что люди, которые находятся в верхней части пространства, вряд ли вступят в брак с людьми, которые находятся в нижней части, во-первых, потому что у них мало шансов встретиться с ними физически (если не в так называемых “плохих местах”, то есть ценой нарушения социальных границ, которые увеличивают пространственные расстояния в 2 раза); во-вторых, потому что, если они встретятся с ними случайно, случайно и случайно, они не “поладят”, они не поймут друг друга по-настоящему и не понравятся друг другу. Напротив, близость в социальном про-

² Таковую конструкцию, состоящую из социального пространства, пространства габитусов и символического пространства, Бурдьё иногда кратко называл «позиции – диспозиции – точки зрения» (*positions – dispositions – prises de position*).

странстве предрасполагает к сближению: люди, включенные в ограниченный сектор пространства, будут как ближе (по своим свойствам и склонностям, вкусам), так и более склонны к сближению» [15, р. 26].

Социальные позиции и стили жизни: эмпирическая реализация модели

Концепция социального пространства наиболее полно изложена Бурдьё в работе «Различение». Книга представляет собой обобщение исследований, проводившихся в Центре европейской социологии в 1960–1970-е гг. Этот труд объединяет исследования системы образования, отношения к искусству и фотографии, социальных классов, общественного мнения и многое другое. В рамках нашей статьи из всего многообразия вопросов, изложенных в книге, мы остановимся лишь на проблематике социального и символического пространств. Первое было эмпирически построено как множество социальных позиций, второе — как множество структурированных практик, или *«различных и различающих стилей жизни»* [13, р. 112].

Пространство социальных позиций и структурная гомология

Анализ социального пространства показал, что оно формируется тремя базовыми условиями (или измерениями):

- общий объем капитала, или совокупность всех ресурсов социального агента;
- структура капитала, или соотношение экономического и культурного капиталов в общем объеме капитала;
- эволюция позиции во времени, «проявляющаяся как прошлая и потенциальная траектория в социальном пространстве» [13, р. 128]³.

Распределение общего объема капитала служит основой формирования первичных различий в условиях существования социальных агентов. В соответствии с этим распределением в социальном пространстве можно выделить три большие позиции (см. рис. 1). Они определяются так, что на одном полюсе находятся агенты, обладающие одновременно и экономическим и культурным капиталом, а на другом — те, кто обделен в этих двух отношениях. В соответствии с распределением общего объема капитала Бурдьё выделяет следующие позиции:

1. Буржуазия (доминирующий класс). Это владельцы крупных промышленных и коммерческих предприятий, представители свободных профессий, руководители частных компаний, инженеры, высшие государственные служащие, университетские преподаватели, деятели культуры и искусства.

2. Мелкая буржуазия (средний класс). Это фермеры, ремесленники, мелкие коммерсанты, работники торговли, технические специалисты, средний медицинский персонал, государственные служащие среднего звена, офисные сотрудники, учителя начальной школы, культурные посредники.

³ Социальное пространство, полученное в результате метода анализа соответствий, проецировалось на двумерную схему, поэтому «время» как третье измерение на схеме было обозначено стрелками, которые задавали вектор движения социальной позиции (см. схему в работе: [13, р. 140]).

3. Народные классы (доминируемый класс)⁴. Это разнорабочие, сельскохозяйственные рабочие, квалифицированные и низкоквалифицированные рабочие, мастера⁵.

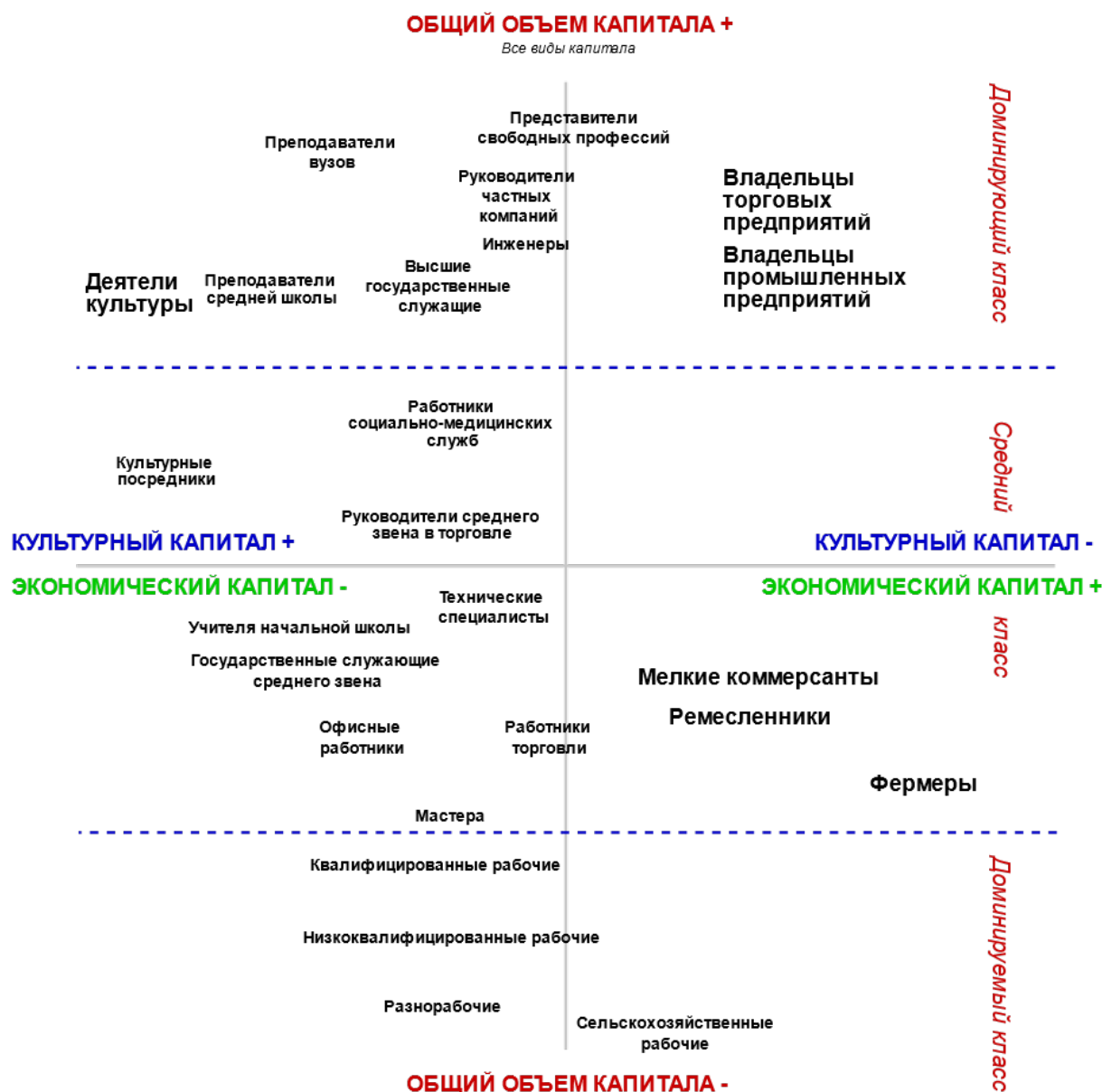


Рис. 1. Упрощенная схема социального пространства

Источник: [15, р. 21].

⁴ Понятием «народные классы» во французской социологии обозначают социальные группы, занимающие доминируемое положение в экономической и социальной иерархии, обладающие «культурным разрывом» с господствующими классами, что проявляется в слабом усвоении легитимной культуры этих классов (подробнее см.: [29; 30]).

⁵ Для обозначения социальных позиций и их фракций Бурдьё использовал принятую в 1950–1970-х гг. во Франции номенклатуру социально-профессиональных категорий. Эта профессиональная классификация населения была разработана Национальным институтом статистики и экономических исследований Франции (*Institut national de la statistique et des études économiques*) в 1954 г. с целью классифицировать население в соответствии с ограниченным числом общих категорий, каждая из которых представляла бы собой некоторую гомогенную социальную группу. Она служила основой почти для всех статистических и социальных исследований, проводившихся во Франции государственными и частными исследовательскими учреждениями вплоть до 1982 г. Отличительной особенностью французской системы социально-профессиональных категорий является то, что в основе классификатора лежат сразу несколько принципов. Эта система учитывает дифференциацию индивидов одновременно по профессии, по статусу (наемный работник или собственник) и по уровню квалификации. Подробнее см.: [18].

Основой вторичной дифференциации является структура активов, то есть соотношение экономического и культурного капиталов в общей структуре собственности социальных агентов. Структура капиталов может быть симметричной, как в случае «свободных профессий, которые сочетают очень высокий доход с очень высоким уровнем культурного капитала», или асимметричной, что наблюдается для профессоров и владельцев частных предприятий, когда «в первом случае доминирующим видом является культурный капитал, а во втором — экономический» [13, р. 129]. По мере перехода от работников культуры и искусства и профессоров к владельцам крупных предприятий доля экономического капитала увеличивается, а доля культурного — уменьшается, и наоборот. Такую структуру распределения капиталов Бурдьё называет *хиастической*⁶.

Это *хиастическое* отношение между фракциями одной социальной позиции дополняется отношением гомологии между фракциями различных социальных позиций, располагающихся на разных уровнях социальной иерархии. Так, владельцы крупных промышленных и торговых предприятий, находящиеся на верхнем уровне социальной иерархии, оказываются гомологичны ремесленникам и мелким коммерсантам, находящимся на среднем уровне иерархии. И те и другие обладают бóльшим объемом экономического капитала, чем культурного. Их социальное воспроизводство в большей мере зависит от воспроизводства экономического капитала. В свою очередь, профессора и учителя средней школы оказываются гомологичны учителям начальной школы: социальное воспроизводство и тех и других зависит преимущественно от воспроизводства культурного капитала.

Таким образом, Бурдьё показывает, что в основе пространства социальных позиций (социологической классификации) находятся два базовых фактора (общий объем капитала и структура капиталов) и их эволюция, а также специфическое *хиастическое* отношение между экономическим и культурным капиталами в общей структуре капитала. В «Различении» исследование направлено на то, чтобы показать, как этот структурный инвариант воспроизводится в социальном и символическом пространствах, а также в отношении между ними. Работая со статистическими таблицами, интерпретируя интервью и результаты анализа соответствий, Бурдьё каждый раз реализовывал реляционный подход, при этом вскрывал:

- отношения между социальными позициями (и/или фракциями);
- отношения между социальными позициями и стилями жизни;
- отношения между разными стилями жизни, которые связаны с разными социальными позициями.

Гомология социальных позиций и стилей жизни

Анализ отношений между социальным и символическим пространствами позволяет выявить структурную гомологию между ними. Это означает, что и в социальном и в символическом пространствах наблюдается одна и та же структура, одна и та же реляционная система различий. Важно, «что в каузальных отношениях находятся не столько одна позиция и одна точка зрения, сколько пространство позиций и пространство точек зрения, истории которых являются относительно независимыми, но структуры которых гомологичны» [27, р. 154].

⁶ Хиастический — крестообразный, или перекрестный. Происходит от древнегреческого *хиазм*, то есть подобный греческой букве *χ*.

Символическое пространство Бурдьё идентифицирует с пространством стилей жизни. При этом стиль жизни понимается как целостное множество «отличительных предпочтений, выражающих, следуя специфической логике каждого из символических подпространств (мебель, одежда, речь или телесный экзис и т. п.), одно и то же характерное намерение» [13, р. 193]. Стиль жизни в качестве устойчивой конфигурации практик выражает различия, объективно вписанные в условия существования социальных агентов. Пространство стилей жизни — это распределение практик и свойств, образующих каждый конкретный стиль жизни. Стили жизни есть позиции символического пространства, отображающие позиции социального пространства.

Связующим механизмом между пространством позиций и пространством стилей жизни выступает габитус — «*порождающий принцип* объективно классифицируемых практик и одновременно *система классификации* (*principium divisionis*) этих практик. Именно в соотношении между этими двумя способностями, определяющими габитус, — способности производить классифицируемые практики и их продукты и способности различать и оценивать эти практики и эти продукты (вкус) — формируется *представление о социальном мире*, или *пространство стилей жизни*» [13, р. 190]⁷.

Одновременно с выделением трех основных позиций социального пространства Бурдьё выделяет три соответствующих им стиля жизни. Так, буржуазии соответствует стиль, основанный на «чувстве различия»; мелкой буржуазии — стиль, основанный на «благоговении перед культурой»; народным классам — стиль, основанный на «выборе необходимого». Внутри каждого из стилей на основе вторичной дифференциации выделяются подстили, соответствующие фракциям социальных позиций.

Буржуазия и «чувство различия»

Основная установка доминирующих фракций господствующего класса, проявляющаяся во всех практиках его представителей, — сохранение своего положения и дистанции по отношению ко всем остальным социальным группам. Буржуазия использует все доступные ей средства для формирования своего стиля жизни как отличного и узнаваемого, навязывая его как признак «хорошего вкуса». Обладая достаточными ресурсами для присвоения самых разнообразных материальных и культурных ценностей, представители этого класса используют их, чтобы отличаться или «выделяться», будь то телесные практики (манера себя вести и говорить), предметы потребления (еда, напитки, одежда, мебель и т. п.) или развлечения (спортивные занятия, места отдыха и т. д.).

В силу различий в структуре капиталов господствующий класс неоднороден и распадается на несколько фракций. Поскольку в класс попадают агенты, обладающие достаточным общим объемом капитала, дифференциация происходит на основе различий в структуре капитала. Так, обладатели культурного капитала (преподаватели университетов, представители свободных профессий, инженеры)

⁷ Понятие структурной гомологии имеет важное значение для теории Бурдьё. Здесь мы рассматриваем применение этого понятия при изучении социального и символического пространства. Подробнее об использовании понятия гомологии в социологии Бурдьё см.: [27].

противостоят владельцам экономического капитала (представителям крупной буржуазии). В этом случае «аскетический аристократизм» представителей «культуры» (посещение музеев и театров, чтение серьезной литературы) противостоит «роскошному» вкусу (дорогие автомобили, коллекционирование произведений искусства, путешествия), к которому склонна крупная буржуазия. При этом сами представители крупной буржуазии вновь могут быть разделены на тех, кто владеет преимущественно экономическим капиталом (владельцы крупных промышленных и торговых предприятий), и тех, кто обладает достаточным объемом культурного капитала (топ-менеджеры частных компаний). В этом случае новая буржуазия, в структуре капиталов которой преобладает культурный капитал, противопоставляет «гедонистическую потребительскую мораль, основанную на кредитах, расходах и удовольствиях» [13, р. 356], аскетичной морали старой буржуазии, основанной на идее производства, накопления, бережливости и расчета.

Мелкая буржуазия и «благоговение перед культурой»

Переходя к мелкой буржуазии, Бурдьё показывает, как диспозиции представителей этой группы отражают их положение в структуре символического пространства. Мелкая буржуазия занимает промежуточное положение, балансируя между высшими и низшими позициями: «Сумев оторваться от пролетариата, своего прошлого, и претендуя на то, чтобы присоединиться к буржуазии, своему будущему, они должны, чтобы завершить накопление, необходимое для социального подъема, откуда-то взять ресурсы, чтобы восполнить нехватку капитала» [13, р. 383]. Это накопление может осуществляться «лишь негативно, как ограничивающая и ограничительная сила, так что ее последствия можно измерить только в виде “отрицательных величин”, как сказал бы Кант, идет ли речь об “экономии” в виде отказа от расходов или о сокращении рождаемости в виде ограничения естественной фертильности» [13, р. 383].

Чтобы осуществить вертикальную мобильность в условиях недостатка капиталов, мелкая буржуазия прибегает к самым различным стратегиям экономии. Она «проявляет чудеса энергии и изобретательности, чтобы жить, как говорится, “не по средствам”. Например, при организации домашнего быта, путем изобретения различных “уголков”, предназначенных для увеличения количества комнат (“кухонный уголок”, “обеденный уголок”, “уголок-спальня”, заимствованные из женских журналов). Или использует “уловки”, позволяющие увеличить такие “уголки” в виде “кладовок”, “съемных перегородок”, “диванов-кроватей”, не говоря уже о всевозможных имитациях и вещах, способных, как говорится, внешне отличаться от того, чем они на самом деле являются, чтобы всеми способами маленькое “сделать большим”» [13, р. 370].

Применительно к культуре это принимает форму «благоговения»: «Восходящая мелкая буржуазия вкладывает свое беззащитное *благоговение* во второстепенные формы легитимных культурных практик и ценностей, таких как посещение памятников и замков (в отличие от музеев и художественных коллекций), чтение научно-популярных или исторических журналов, занятие фотографией, приобщение к культуре кино или джаза» [13, р. 367]. Это принимает форму

обращения к уже признанным культурным объектам и практикам (легитимной культуре), выбора «образованных друзей», посещения «образовательных» и «познавательных» мероприятий и т. п.

В зависимости от структуры капиталов и направления социальной мобильности (восходящая/нисходящая) Бурдьё делит средний класс на три фракции: *традиционная мелкая буржуазия в упадке*, состоящая из фермеров, ремесленников и мелких коммерсантов; *управленческая мелкая буржуазия*, состоящая из государственных служащих и руководителей частных предприятий среднего уровня; *новая мелкая буржуазия*, к которой относятся учителя начальных классов, социальные и медицинские работники, различные культурные посредники (рекламные агенты, специалисты по связям с общественностью, специалисты в области моды и дизайна и т. п.).

Крайнюю правую позицию занимают представители традиционной мелкой буржуазии, численность которой сокращается, что отражает экономический упадок этой группы. Это в основном ремесленники и мелкие коммерсанты, относительно пожилые, обладающие небольшим объемом культурного капитала. Они воплощают «этос “добросовестности”, который заставляет их во всем признавать ценности труда, порядка, строгости и тщательности» [13, р. 404]. Их эстетика «аккуратности» отличается как от «скромного» вкуса рабочих, так и от «раскрепощенного» вкуса новой мелкой буржуазии и ее броских «фантазий» из модных бутиков и парикмахерских» [13, р. 404].

Управленческая мелкая буржуазия занимает центральную позицию с точки зрения структуры капитала. Она состоит преимущественно из молодых людей, происходящих из народных классов с невысоким уровнем образования. Это различные технические специалисты, государственные служащие среднего звена, руководители среднего уровня частных предприятий. Именно среди них «встречаются в самой полной форме аскетичные установки и преданность культуре, связанные со стремлением продолжить социальное продвижение за счет культурного накопления» [13, р. 405]. Такие люди «естественным образом склонны к прогрессивному мировоззрению, основанному на вере в просвещение благодаря образованию и интеллекту, к умеренному реформизму, который бы предусматривал воздаяние каждому в соответствии с его академическими успехами» [13, р. 405]. Поскольку «они обязаны образованию всем, что у них есть, то они и ожидают от него всего, к чему стремятся», и часто «стремятся отождествить иерархию и различия в навыках, или, проще говоря, в дипломах» [13, р. 405]. Они преданы «задачам, требующим прежде всего точности, строгости, серьезности, короче говоря, благоговения и преданности делу» [13, р. 406]. Можно сказать, что существование восходящего мелкого буржуа — «это ожидание будущего, в котором он сможет жить, чаще всего только по доверенности, через своих детей, на которых он, как говорится, “возлагает свои амбиции”» [13, р. 405].

Новая мелкая буржуазия⁸, возникшая благодаря повышению роли символической составляющей в производстве товаров и услуг, формируется представителями профессий, связанных с презентацией и представительством (специалисты по связям с общественностью, рекламе, дизайну, моде и т. п.), сотрудниками

⁸ На момент проведения исследования П. Бурдьё.

учреждений, занимающихся продажей символических товаров и услуг (диетологи, сексологи, консультанты по вопросам брака, воспитания детей и т. д.), профессионалами в области культуры (режиссеры, ведущие радио и телевидения, журналисты и т. п.), а также представителями более устоявшихся профессий, таких как медсестры и учителя начальных классов. Новые профессии, которыми владеют представители этой группы, «являются местом притяжения всех тех, кто в результате образования не получил диплома, который позволял бы им с успехом претендовать на уже устоявшиеся позиции, обещанные им их первоначальным социальным положением, а также тех, кто не получил от своего диплома того, что он считал вправе получить исходя из существовавшего ранее отношения между дипломами и должностями» [13, р. 414]. Неопределенность этих профессий ведет к тому, что данная позиция очень неоднородна. Объединяет ее представителей стремление к повышению своего социального статуса за счет повышения символического статуса профессии и изменения ее в глазах окружающих.

Народные классы и «выбор необходимого»

Народные классы (квалифицированные рабочие, неквалифицированные рабочие, разнорабочие), обладающие небольшими экономическими ресурсами и низким уровнем образования, обречены на «выбор необходимого». Подчинение необходимости склоняет их к «прагматичной и функциональной эстетике», исключая «все ненужные и бесполезные формальные занятия и все виды искусства для искусства» [13, р. 438]. Одновременно эта установка «лежит в основе всех повседневных решений и всего образа жизни и заставляет исключать как “глупые” все чисто эстетические желания» [13, р. 438]. Поэтому рабочие чаще других говорят, что любят чистое и опрятное жилье, где легко убираться, простую одежду, простую еду, крепкую мебель, то есть все то, что может «обеспечить экономию денег, времени и усилий» [13, р. 441].

Стоит указать, что в силу недостатка эмпирических данных Бурдьё не смог построить пространство стилей жизни народных классов на основе анализа соответствий, как это было сделано для буржуазии и мелкой буржуазии. Его описание стиля жизни народных классов опирается на более общие статистические данные. Однако немецкие исследователи Йорг Блазиус и Юрген Фридрихс провели эмпирическую проверку гипотезы Бурдьё о «выборе необходимого» со стороны представителей народных классов. На основе данных, собранных в неблагополучных районах Кёльна (ФРГ), они показали, что стиль жизни этих групп действительно сводится к «выбору необходимого» [9]. При этом оказалось, что внутри народных классов, как и внутри буржуазии, можно выделить фракции с преобладающим экономическим или культурным капиталом [9]. К аналогичным выводам пришел и Ж.С.С. Рупп [28]. Опираясь на нидерландские данные, он показал, что позиция народных классов имеет хиастическую структуру: фракции внутри этой позиции образуются на основе различий в структуре капитала. Помимо прочего, Блазиус и Фридрихс показали, что установка на «выбор необходимого» препятствует конверсии между экономическим и культурным капиталами и не позволяет представителям народных классов улучшить свое социальное положение.

Как поистине масштабная книга «Различение» получила широкий резонанс в профессиональном социологическом сообществе и послужила методологической основой для ряда исследований (см. коллективные монографии: [19; 26; 31; 32]). В качестве основных направлений работы можно выделить:

1. Изучение эволюции социального и символического пространств Франции. Авторы анализируют распределение культурных практик по самым разным основаниям (по полу, возрасту, уровню образования, принадлежности к социальной группе), пытаются понять, как меняются вкусы, уровень их однородности у представителей разных социальных позиций, сохраняется ли противостояние экономического и культурного капиталов, легитимной и народной культуры и т. д. [17; 21; 25].

2. Изучение отдельных национальных социальных пространств. Исследования, аналогичные французскому, были проведены в Австралии [7], Великобритании [8], Германии [5], Норвегии [20] и в некоторых других странах.

3. Разработка методов построения и анализа социального пространства (геометрический анализ данных, анализ главных компонент, категориальный факторный анализ и т. д.). Здесь стоит отметить работы: [3; 19; 23; 24].

Исследователи сходятся на том, что, хотя каждое национальное социальное пространство обладает спецификой, в них имеется много общего. Но цель социолога заключается не в том, чтобы в любом социальном пространстве найти два типа капитала, зафиксировать их хиастическое отношение или выделить три позиции и т. п., а в том, чтобы выявить принципы дифференциации, определяющие многообразие эмпирического опыта социальных агентов. Мы склоняемся к тому, что исследования социального пространства «после Бурдьё» указывают на продуктивность предложенного им подхода для изучения отношения между условиями существования социальных агентов и их культурными практиками.

Социальное пространство как исследовательская программа

Социология не стоит на месте, и по мере ее исторического развития ученые стремятся повысить статус научных представлений, первоначально неявно определенных в контексте исследования, до уровня теоретического понятия. Такая судьба была уготована «социальному пространству». Если в большинстве случаев социологи операционализируют понятие, то есть пытаются найти, как можно измерить величину, теоретические свойства которой они постулировали, то Бурдьё решал обратную задачу: устанавливал свойства понятия социального пространства, которое он сконструировал в ходе серии исследований. Геометрия социального пространства не постулируется *a priori*: Бурдьё проводит различие между теоретической логикой и эмпирическим социологическим исследованием, которое только и определяет выбор геометрии социального пространства.

Онтология социологической концепции Бурдьё принимает форму встроенной пространственности, которая трактуется как имманентно присущий социальной действительности способ существования [14, р. 162]. «Онтологию» здесь

надо интерпретировать как указание на базовый уровень реальности, который полагается более реальным, нежели уровень предпонятий повседневного опыта и непосредственных социологических наблюдений (подробнее см.: [22]).

Говоря, что социология *primum omnium* есть социальная топология [16, р. 16], Бурдьё тем самым утверждает, что социология — это исследование форм и изоморфизмов, где мы не предпрещаем эмпирического происхождения обнаруженных изоморфизмов и особенностей, которые могут возникнуть. Социальное пространство требует «геометрического» подхода, который абстрагируется от «онтологического субстрата» (социальных агентов и процессов), концентрируясь на изучении регулярностей производства или воспроизводства наблюдаемых форм и установлении между ними генетических связей и сходства: «Социальное пространство определяется взаимным исключением или различием составляющих его позиций, то есть как структура сопоставления социальных позиций (которые, как мы увидим, сами определяются как позиции в структуре распределения различных видов капитала). Социальные агенты, а также вещи в том виде, в каком они им присущи, следовательно, конституированные как свойства, расположены в определенном месте социального пространства, отдельном и отличительном месте, которое можно охарактеризовать по положению, которое оно занимает по отношению к другим местам (выше, выше — ниже, между и т. д.), и расстоянию <...> которое отделяет его от них» [14, р. 161]. Таким образом, социальная позиция понимается как множество «точек», которые определяются лишь общими свойствами положения в социальном пространстве и описываются метрическими отношениями, то есть большей или меньшей мерой близости друг к другу. Понятие капитала конгруэнтно пространственной схеме. В ее контексте капиталы представляют собой модель пространственности во взаимодополняющих формах, связанных с относительно автономными регионами явлений социальной действительности.

Важный аспект проблемы социального пространства заключается в том, как именно интерпретируется это понятие в социологии Бурдьё. Возникает ли оно из более фундаментальной структуры и явлений действительности или постулируется в качестве инварианта бытия? Мы не в состоянии элиминировать «социальное пространство», редуцировав его к более элементарным, «атомарным» понятиям социологии Бурдьё.

Понятие социального пространства — это не множество атрибутов, это конструкция, определяющая социальную онтологию:

1. На эмпирическом уровне социальное пространство «сделано из» статистических отношений, которые интерпретируются как социальные различия. Иными словами, эмпирически пространство конструируется из многомерного распределения «социально эффективных» свойств, которые выступают как манифестации нетранзитивных отношений.

2. На концептуальном уровне социальное пространство является устойчивым синтетическим принципом социологического изучения реальности, а не всего лишь индуктивной конденсацией эмпирических утверждений социологического опыта.

3. Социальная динамика — это во многом изменение системы дифференциальных различий, и этот процесс следует понимать геометрически, поскольку он может быть представлен как эволюция расстояний между точками социального пространства.

4. Социальное пространство — не только модель действительности и понятийная основа первичной объяснительной схемы, но и конструктивный принцип развертывания социологии Бурдьё. В таком качестве социальное пространство содержит программу социологического исследования (см.: [10]).

Исследовательская программа, складывающаяся вокруг концепции социального пространства, предполагает в каждом конкретном случае поиск ответов на следующие вопросы:

- Какова структура социального пространства?
- Какие социальные траектории и семейства траекторий в нем возможны?
- Какова динамика социального пространства, то есть как оно трансформируется со временем?

Каждая значимая социологическая монография — помимо прочего, это всегда попытка установить, что такое социология сегодня. «Различение» определяло европейскую социологию по состоянию на 1979 г. Однако значение работы Бурдьё этим не ограничивается: структура социального пространства Франции в начале XXI в. изоморфна структуре, проанализированной 30 годами ранее [6]. Базовая структура социального пространства современной Германии также повторяет ту, что была представлена в «Различении»: основным фактором социальной дифференциации является противопоставление культурного и экономического капиталов, причем характерный состав капитала изменяется в прямой зависимости от его общего объема [4].

Значение понятия социального пространства

Социальное пространство выступает как «материнская» категория (*catégorie-mère*) социологии Бурдьё, из которой можно логически вывести понятие поля как частного случая, характеризующегося высокой дифференциацией, автономизацией, биполярной организацией и монополизацией специфической власти [34, р. 62–64]. Именно социальное пространство, а не поле, является общей конструкцией, соединяющей понятия габитуса и капитала для объяснения практики. Дело в том, что поле — достаточно редкое историческое явление, возникающее, когда пространство действия замыкается в институционализированных границах, создаются барьеры для входа, самоорганизуются специализированные агенты по разработке особого источника власти и социальной политики. Это осуществимо лишь в развитых социальных формациях с высокой степенью дифференциации. В подавляющем большинстве случаев практики реализуются именно в социальных пространствах, достаточно хорошо описываемых многомерным распределением социально эффективных свойств (капиталов), детерминирующих набор основных позиций, исходя из которых можно разумно прогнозировать стратегии. Однако это не поля [33]. Такое понимание устраняет множество ложных проблем и трудностей.

Геометрический подход к социальному устраняет ряд обязательных для дуалистического мышления альтернатив (механицизм/финализм, объективизм/субъективизм, холизм/индивидуализм [14, р. 16]), мешающих социологии приблизиться к идеалу строгой науки. Для Бурдьё социологическое объяснение означает выявление структуры и сети отношений между сущностями и частями одной и той же сущности: «Понятие *пространства* само по себе включает принцип *реляционного* восприятия социального мира: оно <...> утверждает, что вся “реальность”, которую оно обозначает, заключается во *взаимном внешнем* отношении составляющих ее элементов. Являющиеся, непосредственно видимые сущности, будь то индивиды или группы, существуют и сохраняются в *различиях* и посредством *различий*, то есть постольку, поскольку они занимают *относительные позиции* в пространстве отношений, которое, хотя и невидимо и всегда трудно проявить эмпирически, является самой реальной реальностью» [15, р. 53]. Такой подход имеет ряд важных следствий.

- Понятие социального пространства предполагает, что «социальная наука должна конструировать не классы, а социальные пространства, внутри которых можно выделить классы, существующие только на бумаге. Каждый раз она должна *конструировать* и *открывать* <...> принцип дифференциации, позволяющий теоретически воспроизвести социальное пространство, наблюдаемое эмпирически» [15, р. 54]. Построение социального пространства — это поиск адекватных принципов дифференциации (структурных инвариантов), лежащих в основании исследуемого сегмента социальной реальности.
- Социальное пространство позволяет систематически решать проблему предпонятий [2], которыми социолог как социальный агент обладает до всякого исследования и которые при внимательном рассмотрении почти всегда оказываются понятиями политическими. Вместо групп или классов, изначально определенных в теории социальной стратификации или в классовой теории, модель социального пространства предлагает работу с эффективными социальными ресурсами (капиталами) и формирующимися на их основе социальными позициями.
- Модель социального пространства многомерна. Она предполагает множественность принципов дифференциации и конкуренцию между ними. Это позволяет уйти от экономизма в понимании социальной дифференциации, то есть сведения всей социальной структуры к экономическим различиям. Предполагается, что социальные агенты могут обладать разной структурой капиталов, от чего зависят их социальные ставки и стратегии поведения.

Понятие социального пространства преодолевает оппозицию между объективизмом и субъективизмом, к которым тяготеют те или иные социологические подходы: «Субъективизм предрасположен редуцировать структуры к взаимодействиям, объективизм стремится выводить действия и взаимодействия из структуры» [1, с. 67]. Снятие этого противоречия становится возможным благодаря введению нескольких уровней анализа.

Социальное пространство позволяет определить позиции социальных агентов, то есть провести их объективную классификацию. Однако агенты имеют собственные представления о себе и о социальном мире. Для описания таких систем представлений Бурдьё вводит понятие символического пространства, или пространства точек зрения. «С одной стороны, объективные структуры, которые конструирует социолог в рамках объективизма, отстраняясь от субъективных представлений агентов, лежат в основе субъективных представлений и содержат структурные принуждения, влияющие на взаимодействия; но, с другой стороны, эти представления должны быть усвоены, если хотят, чтобы с ними считались, в частности, в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур. Это означает, что оба подхода — объективистский и субъективистский — находятся в диалектической связи» [1, с. 67]. Связующим элементом между двумя пространствами выступает габитус. Многослойная конструкция «пространство позиций — пространство габитусов — пространство точек зрения» снимает противоречие между объективистским и субъективистским подходами. Социальная действительность у Бурдьё предстает как диалектическое единство объективных и субъективных условий практики, где габитус в качестве социализированного тела выступает связующим механизмом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шматко Наталья Анатольевна — кандидат философских наук, заведующий сектором, Центр статистики и мониторинга образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (926) 273-37-73. **Электронная почта:** nshmatko@hse.ru

Маркова Юлия Владимировна — кандидат социологических наук, независимый исследователь. **Электронная почта:** yulia.markova@gmail.com

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 111–128. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.2.6

Research Article

NATALIA A. SHMATKO¹, YULIA V. MARKOVA²

¹ HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

² Independent Researcher, Moscow.

SOCIAL AND SYMBOLIC SPACES IN THE SOCIOLOGY OF PIERRE BOURDIEU

Abstract. The paper introduces the history of the concept of social space of Pierre Bourdieu in its interaction with symbolic space. The primary focus is such an issue as the relationship between the objective scientific classification of social relations and the practical everyday classifications of social agents. Symbolic space is realized as a space of lifestyles that express differences that are objectively inscribed in the living conditions of social agents. According to Bourdieu, the connecting mechanism between social space and symbolic space (the space of lifestyles) is habitus. It is a system of stable dispositions that incorporate the agent's experience and function as a matrix of perception, evaluation and action. Bourdieu seeks to show how the same structural invariant is reproduced simultaneously in both social and symbolic spaces. He constructs a social space using contemporary French society as an empirical object. The study demonstrated how the French social

space can be characterized by three dimensions, which Bourdieu identified as the total volume of capital, composition of capital, and evolution of capital (evolution of social position in time).

Keywords: social space; symbolic space; habitus; capital; social position; lifestyle; social classifications.

For citation: Shmatko, N.A., Markova, Yu.V. Social and Symbolic Spaces in the Sociology of Pierre Bourdieu. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 111–128. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.6](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.6)

Acknowledgment. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program of the HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Shmatko — Candidate of Philosophical Sciences, HSE University. **Phone:** +7 (926) 273-37-73. **Email:** nshmatko@hse.ru

Yulia V. Markova — Candidate of Sociological Sciences, Independent Researcher. **Email:** yulia.markova@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бурдьё П. Генезис и структура поля религии / Пер. с фр. О.И. Кирчик // Бурдьё П. Социальное пространство: Поля и практики / Под ред. Н.А. Шматко. СПб., М.: Алетея, Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 7–74.
Bourdieu P. The Genesis and Structure of the Field of Religion. Transl. from French by O.I. Kirchik. Bourdieu P. *Social Space: Fields and Practices*. Ed. by N.A. Shmatko. St Petersburg; Moscow: Aleteiya, Institute of Experimental Sociology publ., 2005. P. 7–74. (In Russ.)
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, назначение / Пер. с фр. А.Б. Гофман. М.: Канон, 1995. — 352 с.
Durkheim E. *Sociology. Its object, its method, its goal*. Transl. from French by A.B. Gofman. Moscow: Kanon publ., 1995. 352 p. (In Russ.)
3. Atkinson W. Charting fields and spaces quantitatively: From multiple correspondence analysis to categorical principal components analysis. *Quality & Quantity*. 2024. Vol. 58. P. 829–848. DOI: [10.1007/s11135-023-01669-w](https://doi.org/10.1007/s11135-023-01669-w) EDN: [AJANGT](https://www.edn.net/AJANGT)
4. Atkinson W., Schmitz A. The German social space and its homologies: National variation on a basic structure. *Current Sociology*. 2024. Vol. 72. No. 1. P. 168–191. DOI: [10.1177/00113921221100582](https://doi.org/10.1177/00113921221100582) EDN: [FWLYRB](https://www.edn.net/FWLYRB)
5. Atkinson W., Marzec P. The German Space of Lifestyles: A Multidetermined Structure. *Journal of Consumer Culture*. 2023. Vol. 23. No. 4. P. 926–948. DOI: [10.1177/14695405221149117](https://doi.org/10.1177/14695405221149117) EDN: [CWBUSN](https://www.edn.net/CWBUSN)
6. Atkinson W. The social space and misrecognition in 21st century France. *The Sociological Review*. 2021. Vol. 69. No. 5. P. 990–1012. DOI: [10.1177/00380261211020182](https://doi.org/10.1177/00380261211020182) EDN: [VUUHRH](https://www.edn.net/VUUHRH)
7. Bennett T., Emmison M., Frow J. *Accounting for Tastes: Australian Everyday Cultures*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 328 p.
8. Bennett T., Savage M., Silva E.B., Warde A., Gayo-Cal M., Wright D. *Culture, Class, Distinction*. London: Routledge, 2009. 336 p. DOI: [10.4324/9780203930571](https://doi.org/10.4324/9780203930571)
9. Blasius J., Friedrichs J. Lifestyles in distressed neighborhoods: A test of Bourdieu's "taste of necessity" hypothesis. *Poetics*. 2008. Vol. 36. No. 1. P. 24–44. DOI: [10.1016/j.poetic.2007.12.001](https://doi.org/10.1016/j.poetic.2007.12.001)
10. Bourdieu P., Wacquant L. *An invitation to reflexive sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 348 p.

11. Bourdieu P. *Esquisse d'une théorie de la pratique: précédé de trois études d'ethnologie Kabyle*. Genève: Librairie Droz, 1972. 269 p. DOI: [10.3917/droz.bourd.1972.01](https://doi.org/10.3917/droz.bourd.1972.01)
12. Bourdieu P. *General Sociology, Volume 1. Classification Struggles: Lectures at the Collège de France (1981–1982)*. Ed. by P. Champagne, J. Duval, F. Poupeau, M.-C. Rivière. Cambridge: Polity, 2018. 182 p.
13. Bourdieu P. *La distinction: Critique sociale du jugement*. Paris: Éditions de Minuit, 1979. 680 p.
14. Bourdieu P. *Méditations pascaliennes: Éléments pour une philosophie négative*. Paris: Éditions du Seuil, 1997. 316 p.
15. Bourdieu P. *Raisons pratiques: Sur la théorie de l'action*. Paris: Éditions du Seuil, 1994. 251 p.
16. Bourdieu P. Social space and symbolic power. *Sociological Theory*. 1989. Vol. 7. No. 1. P. 14–25. DOI: [10.2307/202060](https://doi.org/10.2307/202060)
17. Coulangeon P., Lemel Y. Is “Distinction” Really Outdated? Questioning the Meaning of the Omnivorization of Musical Taste in Contemporary France. *Poetics*. 2007. Vol. 35. No. 2. P. 93–111. DOI: [10.1016/j.poetic.2007.03.006](https://doi.org/10.1016/j.poetic.2007.03.006)
18. Desrosières A., Thévenot L. *Les catégories socioprofessionnelles*. Paris: La Découverte, 1988. 128 p.
19. *Empirical investigations of social space*. Ed. by J. Blasius, F. Lebaron, B. Le Roux, A. Schmitz. Cham: Springer Cham, 2019. 440 p. DOI: [10.1007/978-3-030-15387-8](https://doi.org/10.1007/978-3-030-15387-8)
20. Flemmen M., Jarness V., Rosenlund L. Social space and cultural class divisions: The forms of capital and contemporary lifestyle differentiation. *The British Journal of Sociology*. 2018. Vol. 69. No 1. P. 124–153. DOI: [10.1111/1468-4446.12295](https://doi.org/10.1111/1468-4446.12295)
21. Ginsburger M. The More It Changes the More It Stays the Same: The French Social Space of Material Consumption between 1985 and 2017. *British Journal of Sociology*. 2022. Vol. 73. No. 4. P. 706–753. DOI: [10.1111/1468-4446.12970](https://doi.org/10.1111/1468-4446.12970)
22. Katchanov Yu.L., Shmatko N.A. The idea of social space by Pierre Bourdieu. *Russian Sociological Review*. 2024. Vol. 23. No. 4. P. 203–226. DOI: [10.17323/1728-192x-2024-4-196-220](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-4-196-220)
23. Le Roux L., Rouanet H. *Multiple Correspondence Analysis*. Thousand Oaks: SAGE, 2010. 126 p. DOI: [10.4135/9781412993906](https://doi.org/10.4135/9781412993906)
24. *Multivariate Scaling Methods and the Reconstruction of Social Spaces: Papers in Honor of Jörg Blasius*. Ed. by A. Barth, F. Leßke, R. Atakan, M. Schmidt, Y. Scheit. Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich, 2023. 259 p. DOI: [10.3224/84742764](https://doi.org/10.3224/84742764)
25. Noûs C., Robette N., Roueff O. The Multidimensional Structure of Taste: A Cultural Legitimacy Based on Interactions between Education, Age, and Gender. *Biens Symboliques / Symbolic Goods*. 2021. Vol. 8. DOI: [10.4000/bssg.625](https://doi.org/10.4000/bssg.625)
26. *Quantifying Theory: Pierre Bourdieu*. Ed. by K. Robson, C. Sanders. Dordrecht: Springer Netherlands, 2009. 228 p. DOI: [10.1007/978-1-4020-9450-7](https://doi.org/10.1007/978-1-4020-9450-7)
27. Roueff O. Les homologues structurales: une magie sociale sans magiciens? La place des intermédiaires dans la fabrique des valeurs. *Trente ans après La Distinction de Pierre Bourdieu*. Dir. P. Coulangeon, J. Duval. Paris: La Découverte, 2014. P. 153–164. DOI: [10.3917/dec.coula.2013.01.0153](https://doi.org/10.3917/dec.coula.2013.01.0153)
28. Rupp J.C.C. Les classes populaires dans un espace social à deux dimensions. *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1995. Vol. 109. No. 1. P. 93–98. DOI: [10.3406/arss.1995.3156](https://doi.org/10.3406/arss.1995.3156)
29. Schwartz O. Peut-on parler des classes populaires? Un texte inédit d'Olivier Schwartz. *La Vie des idées*. 13 septembre 2011. Accessed 12.09.2024. URL: <https://laviedesidees.fr/Peut-on-parler-des-classes.html>

30. *Sociologie des classes populaires contemporaines*. Dir. Y. Siblot, I. Coutant, N. Renahy, [et al.]. Paris: Colin, 2015. 368 p.
31. *The Routledge Companion to Bourdieu's Distinction*. Ed. by P. Coulangeon, J. Duval. London: Routledge, 2015. 344 p.
32. *Trente Ans Après La Distinction de Pierre Bourdieu*. Dir. P. Coulangeon, J. Duval. Paris: La Découverte, 2013. 272 p. DOI: [10.3917/dec.coula.2013.01](https://doi.org/10.3917/dec.coula.2013.01)
33. Wacquant L. *Bourdieu in the City: Challenging Urban Theory*. Cambridge: Polity Press, 2023. 288 p.
34. Wacquant L., Akçaoglu A. Practice and symbolic power in Bourdieu: The view from Berkeley. *Journal of Classical Sociology*. 2017. Vol. 17. No. 1. P. 37–51. DOI: [10.1177/1468795X16682145](https://doi.org/10.1177/1468795X16682145)

Статья поступила в редакцию: 15.01.2025; поступила после рецензирования и доработки: 20.01.2025; принята к публикации: 12.03.2025.

Received: 15.01.2025; revised after review: 20.01.2025; accepted for publication: 12.03.2025.